

ЕВГЕНИЙ ЩЁЛОКОВ

ПАНДОРА

ВСЁ ИМЕЕТ СВОЮ ЦЕНУ



ЕВГЕНИЙ ЩЁЛОКОВ

ПАНДОРА

КОМПЛЕКС
ПРЕДТЕЧ
«ПАНДОРА»

КОМПЛЕКС ПРЕДТЕЧ
«ПАНДОРА»



ХРОНИКИ ЗЕМНОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ
КНИГА IV

Евгений Щёлоков

Пандора

«Автор»

2026

Щёлоков Е.

Пандора / Е. Щёлоков — «Автор», 2026

Четвертый рассказ серии. Человечество переживает новое вторжение, для отражения которого открывает "Ящик Пандоры".

© Щёлоков Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пандора	5
Хроники Земной Федерации. Книга четвёртая	5
Пролог. Три сигнала	5
Часть первая. Периметр	7
Глава 1. Иллюзия стабильности	7
Глава 2. Семья Ортега	8
Глава 3. Что скрывала тишина	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Евгений Щёлоков

Пандора

Пандора

Хроники Земной Федерации. Книга четвёртая

Пролог. Три сигнала

Лейтенант Павел Ковтун нёс вахту на посту дальнего обнаружения «Гранит-7» — крошечной автоматизированной станции, притулившейся на орбите безымянного газового гиганта у самой границы старого вектора вторжения, того самого, что когда-то привёл флот Хло к Новой Вега, а затем и к Гранаде-3. За семнадцать лет войны этот сектор давно превратился в тихую заводь, куда назначали либо новичков для первого опыта дежурства, либо ветеранов, чьи нервы уже не выдерживали более напряжённых участков фронта.

Ковтун относился к первой категории. Ему было двадцать три года, он окончил училище связи девять месяцев назад, и самым волнующим событием за всё время его службы здесь оставался визит инспекционной комиссии три месяца назад.

Когда в 04:17 по станционному времени сенсоры дальнего обнаружения полыхнули красным, Ковтун сначала решил, что это очередной ложный срез — метеоритный рой, статическая помеха, сбой в откалиброванной десять лет назад аппаратуре, которую давно пора было заменить, да всё не доходили руки у интендантской службы, урезанной военными расходами последнего десятилетия.

Но цифры на экране не желали складываться в помеху.

— Станция, говорит пост «Гранит-7», — произнёс он в микрофон срывающимся голосом, наблюдая, как отметки множатся на экране с пугающей скоростью. — Фиксирую массовый выход из гиперпространства. Множественные контакты, повторяю, множественные контакты, предварительная оценка — свыше двухсот единиц...

Он не договорил, потому что в этот момент связь со станцией оборвалась, не постепенно, не с помехами, а мгновенно, будто кто-то одним движением перерезал невидимую нить.

За тысячи световых лет от «Гранита-7», в западном секторе, который штабные картографы окрестили «Авророй» ещё во времена ранней экспансии Конфедерации, капитан 3 ранга Диана Марчук дежурила на разведывательном посту, встроенном в скальный массив одной из окраинных лун системы Беллона.

Марчук была из поколения офицеров, что выросли уже во время войны, — для неё Новая Вега и Гранада-3 существовали лишь как имена из учебников тактики, а не как личные воспоминания. Десять лет затишья на этом участке фронта приучили её к мысли, что настоящая война происходит где-то в других секторах, в других частях необъятного пространства Конфедерации, а её собственный пост существует скорее для порядка, чем по реальной необходимости.

Сигнал тревоги, поднявшийся в 04:19 по станционному времени, на две минуты позже, чем на «Граните-7», хотя ни Марчук, ни кто-либо ещё пока не мог этого знать, застал её врасплох настолько, что она едва не выронила из рук чашку.

— Штаб сектора, докладывает пост «Беллона-3»! У нас массовый выход из гиперпространства прямо на границе системы! Я насчитываю... — она замолчала, вглядываясь в стремительно заполняющийся отметками экран, — я насчитываю не меньше полутора сотен целей, и цифра продолжает расти!

Третий сигнал поступил из места, о существовании которого большинство штабных офицеров Конфедерации давно забыли, из почти заброшенного пограничного сектора, обозначенного на картах под кодовым именем «Тень». Десять лет назад, когда Совет Конфедерации ввёл мораторий на дальнейшую колонизацию, именно такие периферийные, малоперспективные сектора первыми лишились финансирования и внимания разведки.

Дежурный офицер этого поста, немолодой уже прапорщик Виссарион Гай, доработавший здесь службу едва ли не до самой пенсии, поначалу вообще не поверил показаниям своей устаревшей, давно не модернизированной аппаратуры.

— Это какая-то ошибка, — пробормотал он, стуча кулаком по панели считывания, будто это могло исправить положение. — Здесь никогда ничего не происходит.

Но когда через несколько минут повторная проверка подтвердила первоначальные данные массовый выход неопознанных целей на дальней границе сектора, Гай, чьи руки дрожали от внезапно нахлынувшего, забытого за годы спокойной службы страха, всё же нажал кнопку тревоги.

— Штаб, докладываю нештатную ситуацию в секторе «Тень»...

Сорок минут спустя, в главном штабе флота на орбитальной станции над Землёй адмирал Ирина Соколова, начальник штаба и высшее военное должностное лицо Земной Конфедерации после гибели Невила, была разбужена среди ночи срочным вызовом дежурного офицера.

— Адмирал, — голос офицера дрожал от с трудом сдерживаемой паники, — три отдельных доклада о массовом появлении неопознанных сил. Северный рубеж, сектор «Аврора», сектор «Тень». Все три — в течение одного часа.

Соколова, чьи волосы за прошедшие семнадцать лет войны из тёмных стали почти полностью седыми, а лицо покрылось теми морщинами, что появляются лишь у людей, годами принимавших решения, стоившие тысяч жизней, замерла на мгновение, ощущая, как холод пробегает по позвоночнику.

Три направления одновременно, — подумала она, и в её сознании, обострённом многолетним опытом аналитика, немедленно сложилась пугающая картина. — Это не совпадение. Это не три отдельных вылазки. Это спланированное, синхронизированное наступление.

— Поднимайте весь штаб, — приказала она, вскакивая с кровати и уже потянувшись за мундиром. — Немедленно свяжите меня с постами на всех трёх направлениях. И объявите общую боевую тревогу флота.

Когда спустя несколько минут разрозненные, обрывочные доклады трёх постов дальнего обнаружения наконец легли на её стол единой картиной, Соколова почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Это же самое чувство, она, тогда ещё молодой капитан-аналитик, испытала семнадцать лет назад, слушая доклад Долгина о первых признаках вторжения.

История повторяется, — подумала она с ледяной ясностью. — Только на этот раз мы не готовы. Мы совсем не готовы.

Сирена боевой тревоги, разнёсшаяся по всем коридорам штабной станции, звучала точно так же, как звучала семнадцать лет назад, пронзительным, режущим слух воем, что раз и навсегда разделил историю человечества на «до» и «после».

Часть первая. Периметр

Глава 1. Иллюзия стабильности

Десять лет, минувшие после трагической гибели адмирала Невила и завершения операции «Рубикон», превратили Земную Конфедерацию в общество, уставшее воевать настолько, что оно с готовностью поверило в собственную безопасность.

После убийства Невила ни один из адмиралов флота, включая саму Ирину Соколову, повышенную вскоре после трагедии до должности начальника штаба, не решился взять на себя ответственность за продолжение дерзкого, рискованного продвижения вглубь территории Хло. Открытие «Сфинкса», намекавшее на чудовищную, непостижимую природу врага, было надёжно засекречено; программа «Маяк» закрыта; а само общество, истощённое семнадцатью годами военных тягот, требовало передышки.

Канцлер Эдвард Хоффман, возглавивший Совет Конфедерации спустя два года после гибели адмирала Невила, был прагматичным политиком, чья карьера строилась на умении находить компромиссы между противоречивыми интересами, утвердил доктрину, получившую название «Периметр»: флот сосредотачивался на глухой обороне уже освоенных рубежей, отказавшись от дальнейших наступательных операций и разведки вглубь вражеского пространства.

— Мы не можем позволить себе повторение «Рубикона», — говорил Хоффман на закрытом совещании Совета, когда доктрина только разрабатывалась. — Год агрессивного наступления обошёлся Конфедерации в такие ресурсы, что мы едва не довели экономику до полного коллапса. Люди устали воевать, адмирал Соколова. Люди хотят жить, а не сражаться.

Соколова, присутствовавшая на этом совещании в качестве главного военного консультанта, тогда не нашла весомых аргументов против. Цифры, которые приводил Хоффман, действительно отражали реальное истощение сил Конфедерации, а собственная военная интуиция, столь ярко проявившаяся в решительности покойного адмирала Невила, казалась ей самой недостаточно надёжной опорой для столь судьбоносного решения.

— Доктрина разумна с точки зрения экономики, канцлер, — сказала она тогда, хотя что-то в глубине её сознания уже тогда протестовало против этого решения. — Но я настаиваю на сохранении минимального уровня разведывательного присутствия за пределами границ. Мы не можем позволить себе полностью ослепнуть в отношении действий противника.

Хоффман согласился, но с годами даже этот минимальный уровень разведки сокращался раз за разом под давлением бюджетных ограничений, пока некогда обширная сеть разведывательных постов и патрулей не съёжилась до горстки устаревших станций, разбросанных вдоль границ Конфедерации.

Глава 2. Семья Ортега

В Новосибирске, в той же квартире, где Елена Ортега вот уже семнадцать лет растила сыновей в одиночестве, сама Елена теперь готовилась к тому, что её младший сын покинет дом. Событие, которое она одновременно ждала с гордостью и боялась всем сердцем.

— Ты уверен, что хочешь именно ксенолингвистику? — спрашивала она Нормана, разглядывая двадцатипятилетнего сына, чьё лицо давно утратило детскую мягкость, но сохранило ту же вдумчивую серьёзность, что отличала его с самого детства. — Я думала, ты пойдёшь в инженерное дело, как отец...

— Мам, отец был капитаном флота, а не инженером, — с лёгкой улыбкой поправил её Норман, укладывая последние вещи в дорожную сумку. — И потом, ты же знаешь, я никогда не хотел воевать. Изучение древних языков и артефактов предтеч это моя война, если хочешь. Я хочу понять, что мы находим на этих руинах, а не стрелять по врагу, которого даже толком не понимаю.

В другой комнате Нил Ортега, двадцатисемилетний лейтенант морской пехоты, только что получивший приказ о переводе на новый корабль, паковал собственные вещи с деловитой методичностью, которая отличала его на протяжении всей военной карьеры.

— Ты бы видел, как мама на меня смотрела, когда я сказал, что перевожусь на передовую базу в секторе «Аврора», — произнёс он, заглянув в комнату брата. — Будто я иду на верную смерть.

— А ты не идёшь? — спросил Норман без тени иронии.

Нил помолчал, прежде чем ответить. — Десять лет без единого крупного сражения, Норм. Все давно расслабились. Даже я иногда забываю, что мы вообще всё ещё воюем. Так что нет, я не думаю, что иду на верную смерть. Скорее на очередное скучное дежурство.

Он не мог знать, произнося эти слова, насколько горько они прозвучат спустя короткое время.

Елена, вошедшая в комнату в этот момент с подносом чая, услышала последние слова сына и почувствовала, как знакомый холодок тревоги пробегает по её груди, холодок, что не отпускал её ни на день с тех пор, как её муж Дэвид Ортега в последний раз покинул этот дом почти 19 лет назад.

— Обещайте мне оба, — тихо произнесла она, — что вы будете писать мне регулярно. Не важно, куда вас забросит служба.

— Обещаю, мам, — в один голос ответили братья, и на мгновение в комнате воцарилась тёплая тишина, что бывает лишь в семьях, переживших однажды невосполнимую потерю и оттого научившихся ценить каждый момент, проведённый вместе.

Спустя неделю Норман Ортега получил официальное назначение в экспедицию по каталогизации малых руин предтеч в секторе «Тень», работу, которую большинство его коллег ксенолингвистов считали синекурой для тех, кто не сумел пробиться в более престижные, финансируемые проекты.

— Тебя действительно устраивает это назначение? — спросил его научный руководитель, профессор Ставицкий, немолодой уже академик, специализировавшийся на изучении цивилизации предтеч ещё с довоенных времён. — Сектор «Тень» это глухая периферия, Норман. Десять лет назад там прекратили финансирование любых серьёзных исследований. Ты будешь описывать полуразрушенные фрагменты, которые никого, кроме горстки специалистов, не интересуют.

— Именно поэтому меня это устраивает, профессор, — ответил Норман со спокойной убеждённой уверенностью, что уже отличала его научный подход. — Все более значимые находки уже давно изучены командами получше моей. Но именно в забытых, недофинансированных секторах порой скрывается самое интересное — просто потому, что туда никто толком не заглядывал.

Он не мог знать, произнося эти слова, насколько пророческими они окажутся.

Глава 3. Что скрывала тишина

Пока Конфедерация наслаждалась десятилетием обманчивого затишья, за пределами её границ, в необъятных, никогда не изученных человечеством глубинах пространства Хло, происходил процесс, о котором земная разведка не имела ни малейшего представления.

Раса, или, точнее, тот самый биомеханический принцип, что связывал воедино разрозненные, но скоординированные силы противника, скрупулёзно анализировала каждую деталь двух своих сокрушительных поражений: разгрома при Гранаде-3 и катастрофы при Стиксе.

Уязвимость, однажды использованная адмиралом Долгиным против центрального координатора Левиафана, которая позволила одному-единственному человеку, освободившемуся от контроля имплантов, лишит целый корабль-матку координации в решающий момент сражения, была тщательно изучена и устранена. Новая архитектура командования, развёрнутая Хло за прошедшее десятилетие, строилась на принципе избыточной, распределённой сети: уничтожение одного координатора, даже центрального, больше не приводило к полному коллапсу управления, резервные узлы мгновенно принимали на себя утраченные функции.

Противоторпедная оборона, некогда полностью отсутствовавшая у кораблей Хло и ставшая источником сокрушительных потерь при Гранаде-3, была усилена десятилетиями разработок. Теперь каждый крупный боевой корабль противника нёс на себе специализированные системы точечной защиты, способные перехватывать значительную часть приближающихся торпедных залпов.

И самое страшное: вместо единственного исполинского корабля класса «Левиафан», захват которого три года назад ознаменовал победу операции «Рубикон», Хло подготовили к новому вторжению как минимум три подобных судна, каждое размером в несколько километров, каждое несущее в своём чреве десятки тысяч особей и функцию центрального координирующего разума.

Синхронизированное вторжение, обрушившееся на три отдельных фронта Земной Конфедерации в течение одного и того же часа, застало флот землян, растянутый по доктрине «Периметр» тонкой, недостаточной для одновременной обороны линией, в состоянии, близком к катастрофе.

— Северный рубеж докладывает о полном уничтожении поста дальнего обнаружения «Гранит-7», — сообщал дежурный офицер связи Соколовой спустя час после первых сигналов тревоги. — Никакой дальнейшей связи с постом не поступало. Флот противника продолжает движение вглубь сектора.

— Сектор «Аврора»? — спросила Соколова, уже понимая, что услышит.

— Массированное вторжение, адмирал. Численность противника оценивается в двести с лишним боевых единиц. Наши силы прикрытия в секторе — всего пятьдесят кораблей, преимущественно эсминцы устаревших серий.

— А «Тень»?

— Минимальная разведывательная численность в секторе, адмирал. По сути, там сейчас нет боеспособных сил Конфедерации, способных оказать хоть какое-то сопротивление.

Соколова закрыла глаза на мгновение, ощущая, как груз этого стратегического провала обрушивается на её плечи с беспощадной тяжестью, что некогда давила на плечи Невила перед Гранадой-3.

Это моя доктрина, — подумала она с горечью. — Я архитектор этой катастрофы. Десять лет назад я согласилась с логикой Хоффмана, потому что не нашла в себе достаточно уверенности, чтобы противостоять политическому давлению. И вот результат.

На северном рубеже, там, где четверть века назад, в самом начале войны, впервые прозвучало имя Хло, разведывательная флотилия под командованием капитана, теперь уже коммодора, Анны Рихтер вела патрулирование того самого сектора, что она патрулировала бесчисленное множество раз за долгие годы службы.

Рихтер, чьё имя за годы войны обросло почти легендарной репутацией, та самая женщина, что первой принесла весть о разгроме при Новой Веге, что командовала разведкой при Гранаде-3 и Рубиконе, вела свой модернизированный «Стриж» вдоль привычного маршрута патрулирования, когда сенсоры корабля зафиксировали множественные контакты.

— Коммодор, — доложил тактический офицер, — противник появляется именно там, где мы должны были находиться по стандартному расписанию патруля два часа назад! Как будто они точно знали наш маршрут заранее!

Рихтер, чей многолетний инстинкт разведчика мгновенно распознал ловушку, немедленно отдала приказ на разворот и отход, но было уже слишком поздно, вражеские корабли, разместившиеся вдоль всех возможных путей отступления со зловещей точностью, начали окружение флотилии прежде, чем «Стриж» и сопровождающие его два эсминца успели набрать достаточную скорость для прорыва.

— Они знали, — прошептала Рихтер, наблюдая на тактическом экране, как противник методично сжимает кольцо окружения. — Они знали наш маршрут, наше расписание, всё. Это не случайная встреча. Это спланированная засада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.